

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-288-296

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

КУДРЯВЦЕВА Каролина Романовна,

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Россия, аспирант 1 курса, Центр уголовного и
уголовно-процессуального законодательства,
e-mail: study@izak.ru

Научный руководитель:

СЕМЫКИНА Ольга Ивановна,

ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ
МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

Аннотация. В статье исследуются исторические предпосылки формирования и современное состояние уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в государствах Латинской Америки. Рассматривается эволюция представлений о международных преступлениях от первых попыток нормативного закрепления ответственности за деяния, затрагивающие международное сообщество, до формирования современной системы международного уголовного права. Особое внимание уделяется влиянию Нюрнбергского и последующего международно-правового опыта на развитие национального уголовного законодательства государств региона. Анализируется специфика имплементации положений о геноциде, преступлениях против человечности, военных преступлениях и преступлениях агрессии в уголовное законодательство Чили, Уругвая, Колумбии и Эквадора. Отдельно рассматривается значение практики Межамериканского суда по правам человека в формировании региональных стандартов расследования и уголовного преследования лиц, ответственных за наиболее серьезные нарушения прав человека. Обосновывается положение о том, что современная латиноамериканская модель противодействия международным преступлениям складывается на основе взаимодействия универсального международного уголовного права, национальной уголовно-правовой имплементации и региональных механизмов защиты прав человека.

Ключевые слова: международные преступления, международное уголовное право, геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии, Латинская Америка, уголовное законодательство, имплементация, Межамериканский суд по правам человека.

KUDRYAVTSEVA Karolina R.,

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia, postgraduate student,
Center for Criminal and Criminal Procedural Legislation

Supervisor:

SEMYKINA Olga Ivanovna,

Leading Researcher, Candidate of Law

**HISTORICAL ASPECTS AND CURRENT STATE OF CRIMINAL LAW MECHANISMS
FOR COUNTERING INTERNATIONAL CRIMES IN LATIN AMERICA**

Annotation. The article examines the historical prerequisites for the formation and the current state of criminal law mechanisms for countering international crimes in Latin American states. The study traces the evolution of the concept of international crimes from early attempts to establish international responsibility for acts affecting the international community to the development of the modern system of international criminal law. Particular attention is paid to the influence of the

✕ *Nuremberg and subsequent international legal experience on the development of national criminal legislation in the region. The implementation of provisions concerning genocide, crimes against humanity, war crimes and crime of aggression in the criminal legislation of Chile, Uruguay, Colombia and Ecuador is analyzed. The article also considers the significance of the case law of the Inter-American Court of Human Rights in establishing regional standards concerning the investigation and prosecution of persons responsible for the most serious human rights violations. The author argues that the contemporary Latin American model of combating international crimes is based on the interaction of universal international criminal law, domestic criminal law implementation and regional human rights mechanisms.*

✕ **Key words:** *international crimes, international criminal law, genocide, crimes against humanity, war crimes, crime of aggression, Latin America, criminal legislation, implementation, Inter-American Court of Human Rights.*

Проблема уголовно-правового противодействия международным преступлениям занимает особое место в современной системе международного уголовного права. Ее специфика определяется тем, что соответствующие деяния одновременно затрагивают национальную систему уголовной юстиции и фундаментальные интересы международного сообщества. Вследствие этого эффективность противодействия геноциду, преступлениям против человечности, военным преступлениям и преступлению агрессии зависит не только от существования международно-правового запрета, но и от способности национальной правовой системы обеспечить его реальное действие.

Для государств Латинской Америки данная проблема имеет дополнительное историческое измерение. Значительная часть государств региона в XX в. столкнулась с военными диктатурами, масштабными политическими репрессиями, насильственными исчезновениями, внесудебными казнями и внутренними вооруженными конфликтами. В результате развитие национальных механизмов уголовной ответственности за наиболее тяжкие нарушения международного права происходило в тесной связи с необходимостью правового реагирования на преступления прошлого.

Историческая специфика региона обусловила своеобразное взаимодействие универсального и регионального уровней правового регулирования. С одной стороны, государства Латинской Америки постепенно восприняли основные положения современного международного уголовного права, включая стандарты, связанные с Римским статутом Международного уголовного суда. С другой стороны, значительное влияние на национальное законодательство и практику оказала Межамериканская система защиты прав человека, прежде всего практика Межамериканского суда по правам человека.

В связи с этим представляется необходимым рассматривать уголовно-правовые механизмы противодействия международным преступлениям в Латинской Америке не как простую сово-

купность имплементированных международных норм, а как результат длительного взаимодействия трех элементов: универсального международного уголовного права, национального уголовного законодательства и региональной системы защиты прав человека.

Современная категория международных преступлений сформировалась не одномоментно. Ее возникновение связано с постепенным изменением самой природы международно-правового регулирования. Классическое международное право исходило преимущественно из представления о государстве как основном субъекте международных отношений. Уголовная ответственность физических лиц при этом находилась преимущественно в сфере национальной юрисдикции, а наиболее тяжкие нарушения международного права рассматривались через призму международной ответственности государства.

Такое положение было обусловлено господствовавшим представлением о государственном суверенитете. Международное право традиционно регулировало отношения между государствами, тогда как индивид не рассматривался в качестве непосредственного носителя международной уголовной ответственности [1, с. 63–68].

Перелом в развитии данной концепции произошел после Второй мировой войны. Нюрнбергский и Токийский трибуналы продемонстрировали возможность непосредственного привлечения физических лиц к ответственности за преступления, имеющие международный характер. Принцип индивидуальной уголовной ответственности стал одним из фундаментальных оснований последующего формирования международного уголовного права.

Именно в этот период получила нормативное выражение идея о том, что международное право должно защищать не только интересы государств, но и фундаментальные ценности международного сообщества. В дальнейшем данная концепция получила развитие в доктрине международного уголовного права.

В отечественной науке существенное значение имела концепция А.Н. Трайнина, связывав-

шего международные преступления с посягательствами на основы существования государств и народов, мир и безопасность человечества [2, с. 43–58]. И.И. Лукашук впоследствии акцентировал внимание на нарушении основополагающих норм международного права, имеющих жизненно важное значение для международного сообщества [3, с. 49]. С.В. Черниченко связывал международные преступления с наиболее тяжкими нарушениями обязательств, имеющих значение для всего международного сообщества [4, с. 327–332].

В зарубежной доктрине аналогичная эволюция проявилась в развитии концепции «core crimes». А. Кассезе рассматривал международные преступления как серьезные нарушения международных норм, предусматривающих индивидуальную уголовную ответственность [5, р. 11–16]. К. Амбос использует категорию «core crimes under international law», объединяя в ней наиболее тяжкие преступления, ответственность за которые основывается непосредственно на международном праве [6, р. 56–61].

Таким образом, исторически международное преступление прошло путь от категории, связанной преимущественно с нарушением межгосударственных обязательств, к категории, центральным элементом которой является индивидуальная уголовная ответственность.

При этом изменение понимания международного преступления одновременно сопровождалось изменением объекта международно-правовой защиты. Если первоначально центральное значение имели мир, безопасность и суверенное равенство государств, то в дальнейшем все более существенную роль стала играть защита личности и отдельных человеческих групп.

Развитие международного уголовного права позволяет условно выделить несколько этапов, каждый из которых характеризуется особым подходом к определению круга международных преступлений.

Первый этап может быть обозначен как нюрнбергская модель. В ее рамках основными категориями выступали преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Именно эта конструкция заложила основу последующего развития международной уголовной юстиции.

Второй этап связан с развитием конвенционного регулирования. Принятие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него г. стало принципиальным шагом в направлении нормативного закрепления самостоятельного международного преступления геноцида [22]. Одновременно Женевские конвенции 1949 г. и последующее развитие международно-гуманитарного права существенно расширили

нормативную основу ответственности за военные преступления.

Третий этап связан с принятием Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. Статья 5 Статута закрепила четыре категории преступлений, находящихся в юрисдикции Суда: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии [24].

Для государств Латинской Америки Римский статут имеет особое значение. Большинство государств региона являются участниками Римского статута либо развивают национальное законодательство с учетом его положений. Однако восприятие международных преступлений в регионе не сводится к буквальному воспроизведению статутной модели.

Это обусловлено спецификой исторического опыта государств региона. В Латинской Америке международное уголовное право развивалось одновременно с региональным правом прав человека. Поэтому такие категории, как насильственное исчезновение, внесудебная казнь, пытка и систематическое политическое преследование, получили самостоятельное значение в региональной юридической практике.

Специфика Латинской Америки наиболее отчетливо проявилась в деятельности Межамериканского суда по правам человека.

Принципиальное значение имеет решение по делу *Velásquez Rodríguez v. Honduras* 1988 г. Суд рассматривал проблему насильственного исчезновения и пришел к выводу о существовании позитивных обязанностей государства по предотвращению и расследованию нарушений прав человека. Тем самым обязанность государства была поставлена в зависимость не только от непосредственного поведения его представителей, но и от эффективности последующего расследования.

Следующий этап связан с делом *Barrios Altos v. Peru* 2001 г. В данном деле Суд рассмотрел вопрос о совместимости амнистии с обязанностью государства расследовать наиболее тяжкие нарушения прав человека. Сформированная Судом позиция стала одним из ключевых элементов межамериканского подхода к борьбе с безнаказанностью.

Особое значение для уголовно-правовой проблематики имело дело *Almonacid Arellano et al. v. Chile* 2006 г. Суд связал преступления периода военной диктатуры с категорией преступлений против человечности и подтвердил необходимость обеспечения уголовного преследования виновных. Важным следствием этой практики стало развитие доктрины «convencionalidad», предполагающей обязанность национальных органов учитывать международно-правовые обязательства государства при применении внутренне-

го права.

Совокупность данной практики позволяет говорить не о формировании отдельной «системы международных преступлений» в формально-юридическом смысле, а о создании в регионе специфического правозащитного механизма, оказывающего непосредственное воздействие на уголовно-правовую политику государств.

Это различие имеет принципиальное значение. Межамериканский суд по правам человека не является международным уголовным судом, а его решения не заменяют национальное уголовное преследование. Вместе с тем сформулированные им правовые позиции оказывают существенное влияние на развитие национальных механизмов расследования и привлечения к ответственности за наиболее тяжкие нарушения прав человека, определяя пределы допустимого государственного регулирования в вопросах амнистии, давности и иных правовых средств, способных препятствовать установлению обстоятельств совершенного деяния и ответственности виновных лиц. Вследствие этого практика Межамериканского суда выступает важным дополнительным элементом той системы правовых гарантий, в рамках которой осуществляется противодействие наиболее тяжким преступлениям в государствах региона.

Именно взаимодействием указанных правовых механизмов во многом объясняется специфика латиноамериканского подхода: универсальные нормы международного уголовного права сочетаются с региональными стандартами защиты прав человека и получают дальнейшее развитие в национальном уголовном законодательстве. Вместе с тем данная взаимосвязь проявляется применительно к различным категориям международных преступлений неодинаково. Их формирование происходило исторически последовательно, а содержание отдельных составов существенно изменялось под воздействием развития международного права. В этой связи представляется необходимым обратиться к основным этапам становления отдельных видов международных преступлений, начиная с тех категорий, которые исторически одними из первых получили международно-правовое закрепление.

Одним из наиболее ранних элементов современной системы международных преступлений является преступление агрессии, развитие которого непосредственно связано с изменением подходов международного сообщества к применению вооруженной силы государствами и персональной ответственности лиц, принимающих решения о ее использовании.

Нюрнбергский трибунал рассматривал планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны как преступление, об-

ладающее особой степенью общественной опасности. Именно в рамках Нюрнбергского процесса был сформирован один из основополагающих подходов к индивидуальной ответственности лиц, участвующих в подготовке и осуществлении агрессивной войны. В дальнейшем развитие международного права привело к постепенному уточнению содержания данной категории, что в конечном итоге обусловило ее самостоятельное закрепление в современной системе международных преступлений.

Современное понимание агрессии связано с положениями Устава ООН и последующим развитием Римского статута. В отличие от геноцида и преступлений против человечности, объектом посягательства здесь прежде всего выступает международный мир и безопасность.

Для государств Латинской Америки данный аспект имеет особое значение вследствие исторического развития региональной системы коллективной безопасности. Устав Организации американских государств (далее — ОАГ) закрепляет принцип, согласно которому агрессия против одного американского государства рассматривается как агрессия против других государств региона (ст. 3 п. g) [25].

При этом в национальном уголовном законодательстве государств региона преступление агрессии не получило столь же единообразной имплементации, как геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Это объясняется в том числе особенностями международного регулирования юрисдикции в отношении данного преступления и его тесной связью с ответственностью лиц, способных фактически контролировать политические или военные действия государства. Следовательно, развитие уголовно-правового регулирования агрессии демонстрирует сохранение классического измерения международных преступлений, связанного с защитой межгосударственного мира, тогда как последующее развитие международного уголовного права постепенно сместило акцент на защиту личности.

Геноцид занимает особое положение в системе международных преступлений вследствие наличия специальной цели уничтожения полностью или частично определенной группы. Исторически формирование данного понятия связано с исследованиями Р. Лемкина, который использовал термин «геноцид» для обозначения политики уничтожения национальных групп [7]. В дальнейшем Конвенция 1948 г. сформировала универсальную нормативную модель данного преступления.

Одновременно в доктрине возникла дискуссия относительно круга защищаемых групп. Конвенционная модель охватывает националь-

ные, этнические, расовые и религиозные группы. В научной литературе неоднократно высказывалась позиция о необходимости более широкого понимания групп, подвергающихся целенаправленному уничтожению [8, р. 17–20; 9, р. 31–35]. Латиноамериканский опыт представляет интерес именно в этой связи. Отдельные государства региона пошли по пути расширения уголовно-правовой защиты по сравнению с минимальным стандартом Конвенции 1948 г. Наиболее показателен пример Уругвая. Закон № 18.026 от 25 сентября 2006 г. предусматривает ответственность за геноцид в отношении не только национальных, этнических, расовых и религиозных групп, но также политических, профсоюзных и некоторых иных групп, обладающих самостоятельными признаками идентичности [31].

Такой подход демонстрирует влияние регионального исторического опыта на национальную уголовно-правовую политику. Расширение охраняемого круга групп связано с необходимостью учитывать формы массового политического и социального насилия, характерные для истории региона. Вместе с тем, чрезмерное расширение понятия геноцида создает риск утраты его отличительных признаков. В современной доктрине поэтому сохраняется аргумент в пользу разграничения геноцида и преступлений против человечности, поскольку именно специальная цель уничтожения группы позволяет сохранить самостоятельность состава геноцида [10, р. 117–120].

Военные преступления являются наиболее исторически устойчивой категорией международных преступлений. Их развитие связано с постепенной кодификацией законов и обычаев войны, Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., Женевскими конвенциями 1949 г. и дополнительными протоколами к ним.

Современное международное уголовное право существенно расширило значение категории военных преступлений применительно к немеждународным вооруженным конфликтам.

Данное обстоятельство имеет особое значение для Латинской Америки, поскольку многие наиболее продолжительные вооруженные конфликты в регионе имели именно немеждународный характер. Соответственно, национальное уголовное законодательство оказалось вынуждено учитывать нарушения международного гуманитарного права, совершаемые не только в отношениях между государствами, но и в рамках внутренних вооруженных конфликтов.

Особый интерес представляет законодательство Колумбии. Вследствие длительного внутреннего вооруженного конфликта в национальном уголовном законодательстве сформировалась детальная регламентация военных преступлений и посягательств на лиц и объекты,

находящиеся под защитой международного гуманитарного права. Значение колумбийского опыта состоит не только в количестве соответствующих составов. Национальный законодатель стремится конкретизировать круг охраняемых объектов, включая гражданские объекты, культурные ценности, имущество, необходимое для выживания населения, элементы природной среды и объекты, содержащие опасные силы (ст. 154 Уголовного Кодекса Колумбии) [33].

Сходные тенденции прослеживаются в Эквадоре. Органический интегральный уголовный кодекс (ст. 111) содержит специальный комплекс норм о международных преступлениях, включая преступления против человечности, геноцид и военные преступления [32]. Таким образом, латиноамериканская модель военных преступлений характеризуется ориентацией не только на международные вооруженные конфликты, но и на защиту населения в условиях внутренних вооруженных конфликтов.

Наиболее тесная связь между международным уголовным правом и историческим опытом Латинской Америки проявляется в развитии категории преступлений против человечности. Современное содержание данной категории предполагает наличие широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население. В отличие от геноцида преступление против человечности не требует специальной цели уничтожения определенной группы.

Историческое значение данной категории заключается в переходе от защиты отдельных лиц от единичных актов насилия к защите населения от системной преступной политики. Именно этот аспект имеет особое значение для Латинской Америки. Политические репрессии периода военных диктатур, насильственные исчезновения, систематические пытки и внесудебные казни продемонстрировали недостаточность исключительно общеуголовных средств противодействия. Если каждое убийство, незаконное лишение свободы или пытка рассматривались бы исключительно как отдельное общеуголовное преступление, из правовой оценки выпадал бы контекст массовости, системности и организованности соответствующих деяний. Категория преступлений против человечности позволяет учитывать именно такой контекст.

В этом отношении существенную роль сыграли исследования Г. Лаутерпахта, А. Кассезе, К. Амбоса и других представителей международно-правовой доктрины. В латиноамериканской науке значительный вклад в развитие соответствующей проблематики внесли К. Нэш Рокас, А. Дулицки, Х. Мендес и другие исследователи.

Отдельное значение приобрел институт насильственного исчезновения. Его особенность

заключается в комплексном характере нарушения прав человека: одновременно затрагиваются право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, доступ к правосудию и право родственников знать судьбу исчезнувшего лица.

Поэтому именно борьба с насильственными исчезновениями стала одним из центральных направлений уголовно-правовой и правозащитной политики ряда государств региона.

Универсальные международно-правовые стандарты не обеспечивают автоматически эффективное уголовное преследование. Их практическое значение зависит от того, каким образом они имплементированы в национальное право.

В Латинской Америке сформировались различные модели такой имплементации.

Чили представляет пример достаточно детализированной законодательной имплементации. Закон № 20.357 от 2009 г. непосредственно регулирует преступления против человечности, геноцид, а также преступления и уголовные проступки войны [30]. При этом законодатель подробно определяет контекст совершения преступлений против человечности и устанавливает самостоятельные уголовно-правовые последствия.

Уругвай использует иной законодательный подход. Закон № 18.026 от 2006 г. системно регулирует международные преступления и одновременно содержит специальные нормы, учитывающие региональный опыт политических репрессий [31]. В частности, закон предусматривает отдельные положения о геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Особенность закона состоит также в установлении специальных правил применения уголовной юрисдикции и регулирования вопросов ответственности.

Эквадор включил международные преступления в структуру Органического интегрального уголовного кодекса. Такой подход позволяет рассматривать соответствующие составы как часть единой национальной системы уголовного права.

Колумбийская модель характеризуется значительной детализацией военных преступлений. Это закономерно связано с продолжительным внутренним вооруженным конфликтом и необходимостью применения международного гуманитарного права к различным формам насилия.

В Аргентине ситуация отличается отсутствием единого специализированного раздела, объединяющего все международные преступления. Национальная модель основывается на сочетании положений уголовного законодательства, конституционного регулирования и международно-правовых обязательств. Значительное влияние на практику оказали судебные процессы в

отношении представителей военных режимов.

Наконец, в ряде государств региона имплементация международных преступлений остается фрагментарной. Отдельные составы закрепляются в специальных законах либо распределяются между различными разделами уголовного законодательства без формирования самостоятельного комплексного института.

Следовательно, даже при общем признании международно-правовых стандартов национальные механизмы их реализации существенно различаются.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько признаков современной латиноамериканской модели.

Во-первых, она имеет многоуровневый характер. Противодействие международным преступлениям осуществляется одновременно посредством универсального международного права, национального уголовного законодательства и регионального механизма защиты прав человека.

Во-вторых, для региона характерно существенное влияние исторического опыта. Национальные уголовно-правовые механизмы во многом формировались как правовая реакция на военные диктатуры, вооруженные конфликты и массовые нарушения прав человека.

В-третьих, наблюдается постепенное усиление значения личности как самостоятельного объекта международно-правовой защиты. Если классическая концепция международных преступлений была преимущественно связана с защитой мира и международной безопасности, то современная латиноамериканская практика уделяет значительное внимание защите гражданского населения от систематического насилия.

В-четвертых, существенное значение имеет принцип преодоления безнаказанности. В региональной практике вопросы уголовного преследования, амнистии, давности и расследования тяжких нарушений прав человека рассматриваются во взаимосвязи.

В-пятых, сохраняется значительная степень национального разнообразия. Государства региона не сформировали единой модели имплементации Римского статута и других международных стандартов. Различия касаются объема криминализации, структуры уголовного законодательства, определения отдельных составов и правил уголовной юрисдикции.

Вместе с тем именно это разнообразие позволяет выявить несколько основных направлений развития национального законодательства: прямое воспроизведение международных стандартов; расширение уголовно-правовой защиты с учетом регионального исторического опыта; включение международных преступлений

в общую структуру уголовного кодекса; принятие специальных законов; использование международного права и судебной практики в качестве непосредственного основания уголовно-правового преследования.

Представляется, что современное состояние уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в Латинской Америке нельзя оценить исключительно посредством определения того, насколько конкретное государство формально воспроизводит положения Римского статута.

Такой подход был бы недостаточным по двум причинам.

Во-первых, уголовно-правовая имплементация международных преступлений представляет собой не только технический процесс переноса международной нормы во внутреннее законодательство. Она предполагает определение места международных преступлений в системе национального уголовного права, установление правил юрисдикции, определение форм соучастия, оснований ответственности командиров и начальников, правил неприменения давности, а также процессуальных механизмов расследования и судебного рассмотрения.

Во-вторых, для Латинской Америки принципиальное значение имеет взаимодействие международного уголовного права и международного права прав человека.

Именно поэтому региональная модель не может быть сведена к перечню четырех категорий преступлений, закрепленных в Римском статуте. Важную роль играют стандарты расследования тяжких нарушений прав человека, недопустимость использования амнистии в качестве препятствия уголовному преследованию в соответствующих случаях, обязанность государства обеспечивать эффективное расследование и доступ потерпевших к правосудию.

В данном отношении латиноамериканский опыт представляет значительный научный интерес и для общей теории уголовного права. Он показывает, что международное уголовное право развивается не изолированно от национальных правовых систем. Напротив, именно национальное законодательство становится основным пространством практической реализации международно-правового запрета.

Это обстоятельство позволяет рассматривать имплементацию международных преступлений как самостоятельный объект сравнительно-правового исследования.

Итак, историческое развитие уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в Латинской Америке свидетельствует о последовательном переходе от преимущественно межгосударственной моде-

ли защиты международного правопорядка к многоуровневой системе индивидуальной уголовной ответственности.

Нюрнбергская модель заложила принцип индивидуальной ответственности за наиболее тяжкие нарушения международного права. Конвенционный этап обеспечил дальнейшую конкретизацию отдельных категорий преступлений, прежде всего геноцида и военных преступлений. Римский статут сформировал современную статутную модель, включающую геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессию.

Однако в Латинской Америке данные универсальные процессы развивались во взаимодействии с региональным правом прав человека. Исторический опыт обусловил формирование дополнительных механизмов борьбы с безнаказанностью.

Практика Межамериканского суда по правам человека способствовала закреплению стандартов эффективного расследования тяжких нарушений прав человека и уголовного преследования лиц, виновных в их совершении. В результате национальная уголовно-правовая политика государств региона оказалась тесно связана с международными стандартами защиты прав человека.

Сравнительный анализ национального законодательства показывает отсутствие единой латиноамериканской модели имплементации международных преступлений. Чили характеризуется детальной специальной криминализацией; Уругвай использует комплексный законодательный подход, дополненный региональной спецификой; Эквадор включил международные преступления в структуру Органического интегрального уголовного кодекса; Колумбия уделяет значительное внимание военным преступлениям и защите лиц и объектов в условиях вооруженного конфликта; Аргентина в значительной степени опирается на сочетание национального законодательства, конституционных положений и международного права.

Таким образом, современную модель уголовно-правового противодействия международным преступлениям в Латинской Америке целесообразно характеризовать как многоуровневую и дифференцированную. Ее основу составляют универсальные международно-правовые стандарты, национальная криминализация международных преступлений и региональные стандарты борьбы с безнаказанностью.

Научное значение латиноамериканского опыта состоит в том, что он демонстрирует взаимное влияние международного уголовного права и национальных уголовно-правовых систем. Международные нормы определяют минимальные стандарты уголовно-правовой защиты, тогда

как национальное законодательство конкретизирует их с учетом исторических и институциональных особенностей конкретного государства.

В связи с этим дальнейшее исследование уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в государствах Латинской Америки должно быть направлено не только на сопоставление составов преступлений, но и на изучение вопросов юрисдикции, давности, амнистии, форм соучастия, ответственности руководителей, международной правовой помощи и взаимодействия национальных судов с международными и региональными органами правосудия.

Список литературы:

- [1] Kelsen H. *Principles of International Law*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 602 p.
- [2] Трайнин А. Н. *Защита мира и уголовный закон*. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. 214 с.
- [3] Лукашук И. И., Наумов А. В. *Международное уголовное право*. М.: Спарк, 1999. 287 с.
- [4] Черниченко С. В. *Теория международного права: в 2 т. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы*. М.: НИМП, 1999. 531 с.
- [5] Cassese A. *International Criminal Law*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. 472 p.
- [6] Ambos K. *Treatise on International Criminal Law. Vol. I: Foundations and General Part*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 420 p.
- [7] Lemkin R. *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.
- [8] Horowitz I. L. *Taking Lives: Genocide and State Power*. 5th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. 312 p.
- [9] Kuper L. *Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century*. New Haven: Yale University Press, 1981. 315 p.
- [10] Schabas W. A. *Genocide in International Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 768 p.
- [11] Werle G., Jessberger F. *Principles of International Criminal Law*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.
- [12] Бирюков П. Н. *Международное уголовное право: учебник*. М.: Юрайт, 2023. 413 с.
- [13] Zaffaroni E. R. *Crímenes de masa y derecho penal*. Buenos Aires: Madres de Plaza de Mayo, 2010. 176 p.
- [14] Nash Rojas C. *Derecho Internacional de los Derechos Humanos en Chile*. Santiago: Universidad de Chile, 2012. 394 p.
- [15] Méndez J. E. *Accountability for Past Abuses* // *Human Rights Quarterly*. 1997. Vol. 19. No. 2. P. 255–282.
- [16] Dulitzky A. *The Latin-American Human Rights System and the Protection of Human Rights* // *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. 2005. Vol. 9. P. 259–308.
- [17] Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / отв. ред. А. Я. Капустин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Норма; Инфра-М, 2023. 304 с.
- [18] Хабриева Т. Я., Капустин А. Я. *Международное право и санкции. Поиск границ допустимого* // *Вестник Российской академии наук*. 2019. Т. 89. № 1. С. 3–9.
- [19] Опалич Е.А. *Ответственность за международные преступления по законодательству стран Латинской Америки*. М.: Проспект, 2024. .
- [20] Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г.
- [21] Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г.
- [22] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.
- [23] Женевские конвенции от 12 августа 1949 г.
- [24] Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.
- [25] Устав Организации американских государств от 30 апреля 1948 г.
- [26] Velásquez Rodríguez v. Honduras. Judgment of 29 July 1988. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 4.
- [27] Barrios Altos v. Peru. Judgment of 14 March 2001. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 75.
- [28] Almonacid Arellano et al. v. Chile. Judgment of 26 September 2006. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 154.
- [29] Gelman v. Uruguay. Judgment of 24 February 2011. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 221.
- [30] Ley № 20.357. Tipifica crímenes de lesa humanidad y genocidio y crímenes y delitos de guerra. Chile, 2009.
- [31] Ley № 18.026. Modificación al Código Penal. Estatuto de Roma de la Corte Penal Internacional. Genocidio. Crímenes de lesa humanidad. Crímenes de guerra. Uruguay, 2006.
- [32] Código Orgánico Integral Penal del Ecuador.
- [33] Código Penal de Colombia. Ley No. 599 de 24 de julio de 2000.

References:

- [1] Kelsen H. Principles of International Law. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 602 p.
- [2] Trainin A. N. Peace protection and criminal law. M.: Legal publishing house of the NKYu of the USSR, 1937. 214 pp.
- [3] Lukashuk I. I., Naumov A. V. International criminal law. M.: Spark, 1999. 287 pp.
- [4] Chernichenko S.V. Theory of international law: in 2 vols. T. 2: Old and new theoretical problems. M.: NIMP, 1999. 531 pp.
- [5] Cassese A. International Criminal Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. 472 p.
- [6] Ambos K. Treatise on International Criminal Law. Vol. I: Foundations and General Part. Oxford: Oxford University Press, 2013. 420 p.
- [7] Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.
- [8] Horowitz I. L. Taking Lives: Genocide and State Power. 5th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. 312 p.
- [9] Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven: Yale University Press, 1981. 315 p.
- [10] Schabas W. A. Genocide in International Law. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 768 p.
- [11] Werle G., Jessberger F. Principles of International Criminal Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.
- [12] Biryukov P.N. International criminal law: textbook. M.: Yurayt, 2023. 413 p.
- [13] Zaffaroni E. R. Crímenes de masa y derecho penal. Buenos Aires: Madres de Plaza de Mayo, 2010. 176 p.
- [14] Nash Rojas C. Derecho Internacional de los Derechos Humanos en Chile. Santiago: Universidad de Chile, 2012. 394 p.
- [15] Méndez J. E. Accountability for Past Abuses // Human Rights Quarterly. 1997. Vol. 19. No. 2. P. 255–282.
- [16] Dulitzky A. The Latin-American Human Rights System and the Protection of Human Rights // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2005. Vol. 9. P. 259–308.
- [17] The modern concept of interaction between international and domestic law / resp. ed. A. Ya. Kapustin. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Norm; Infra-M, 2023. 304 pp.
- [18] Khabrieva T. Ya., Kapustin A. Ya. International law and sanctions. Search for acceptable boundaries // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019. T. 89. № 1. S. 3–9.
- [19] Opalich E.A. Responsibility for international crimes under Latin American law. M.: Prospect, 2024...
- [20] United Nations Charter of 26 June 1945.
- [21] Charter of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of the Main War Criminals of the European Axis Countries of August 8, 1945.
- [22] Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide: adopted by UN General Assembly resolution 260 (III) of December 9, 1948.
- [23] Geneva Conventions of August 12, 1949.
- [24] Rome Statute of the International Criminal Court of 17 July 1998.
- [25] Charter of the Organization of American States of April 30, 1948.
- [26] Velásquez Rodríguez v. Honduras. Judgment of 29 July 1988. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 4.
- [27] Barrios Altos v. Peru. Judgment of 14 March 2001. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 75.
- [28] Almonacid Arellano et al. v. Chile. Judgment of 26 September 2006. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 154.
- [29] Gelman v. Uruguay. Judgment of 24 February 2011. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 221.
- [30] Ley № 20.357. Tipifica crímenes de lesa humanidad y genocidio y crímenes y delitos de guerra. Chile, 2009.
- [31] Ley № 18.026. Modificación al Código Penal. Estatuto de Roma de la Corte Penal Internacional. Genocidio. Crímenes de lesa humanidad. Crímenes de guerra. Uruguay, 2006.
- [32] Código Orgánico Integral Penal del Ecuador.
- [33] Código Penal de Colombia. Ley No. 599 de 24 de julio de 2000.

